

Э. А. Вольтеръ.

СЛѢДЫ ДРЕВНИХЪ ПРУСОВЪ

И ИХЪ ЯЗЫКА

ВЪ ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лн., № 12.

1912.

Э. С. Бонч-Бруевич

СЛОВАРЬ ДРЕВНЕРУССКАГО ПРАСЛАВНАГО ЯЗЫКА

И. И. СЕРЕБРЯКОВ

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Май, 1912 г.

Непрежѣнный Секретарь, Академикъ С. Ольденбургъ.

ВЪ ПЕЧАТНІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

С. ПЕТЕРБУРГЪ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности
Императорской Академіи Наукъ, т. XVI (1911 г.), кн. 4-я.

Слѣды древнихъ Прусовъ и ихъ языка въ Гродненской губерніи.

Профессоръ М. К. Любавскій «Очеркъ исторіи литовско-русскаго государства, М. 1910» доказываетъ, что преемники Миндовга Шварно Даниловичъ и Тройденъ занимали такое же положеніе, какъ Миндовгъ. Тройденъ (1270—1282) распоряжался силами всей Литвы, какъ это видно изъ его столкновеній съ Ливонскими нѣмцами, которыхъ онъ не разъ поражалъ и избивалъ въ большомъ количествѣ; онъ развивалъ свою дѣятельность на всей территоріи собственной Литвы и Жмуди. На южномъ пограничѣ Литвы, въ городахъ Черной Руси, Городнѣ (срв. лит. Gárdinas) и Слонимѣ (Slánimas) онъ *семилъ бѣжавшихъ къ нему Прусовъ и Бортевъ...* Ятвяги были также въ его распоряженіи и онъ посылалъ ихъ въ составъ большой рати подъ начальствомъ Сирпутьяна на поляковъ (стр. 14). Извѣстія о приходѣ Прусовъ замечены изъ Ипатьевской лѣтописи отъ 6784—1276 года. Дословно тамъ сказано: Придоша Пруси ко Тройденеви и(зъ) своей земли неволею передъ Нѣмци. Онъ же прия ѣ к собѣ и посади часть и *в Городнѣ а часть ихъ во Вѣслонимѣ.*

Орденскіе источники Chronicon terrae Prussiae Петра фонъ-Дюсбурга (Peter von Dusburg) и «Die Kronike von Pruzin lant» Николая фонъ Иерошина (Nicolaus von Ieroschin) подтверждаютъ эти показанія слѣдующими показаніями объ отчаянномъ сопротивленіи ордену Прусовъ изъ земли или области Погезаніи. Тамъ мы читаемъ.

1. Eodem anno, tempore autumni (осенью) fratres iterum armata manu intraverunt praedictam terram *Pogesanie*, et vastata iterum incendio

et rapina, captis et occisis omnibus, praeter paucos, qui *cum familia sua versus Lethowiam ad territorium castris Garthe* secesserunt, ipsam in solitudinem redegerunt.

Въ тоже самое время осенью 1276/7 гг. крестоносцы себѣ подчинили вновь землю *Погезанію*, всѣхъ убивая или плѣня за исключеніемъ немногихъ, которыя со своими семействами переселились въ Гродненскую область въ Литву (Хроника Дюсбурга III, 191, изд. Теплена, стр. 136 = *Scriptores rer. Pruss. I*).

2. In des selbin jâris vart, dō *jung und alt, wîb unde man sach* dî herbistzît gewart, di brûdir abir *man sî vil gar irslân unde vân* in vreise stiftin eine reise zu *Pogezânin* in daz lant und daz mis creftigir hant hernde durchtreibitin und *dî vluchtig intwichin*, und kegn Littouwin strichin in daz gebît zu *Gartin*, da sî sich bewartin mitgebuide; *ouch al des landis luide*, *irm gesinde vor der not. Sus wart*

vorwûst dî gegenôt, т. е. осенью того же года орденскіе братья предприняли походъ въ землю Погезанцевъ. Мощною рукою они себѣ подчинили поветанцевъ (Прусовъ), ни щадя никого и уничтожая пламенемъ и постройки и имущество... Но немногіе спаслись бѣгствомъ въ Литвѣ, въ области Городенской и здѣсь они сохранились отъ неволи (Noth) вмѣсто со своими семействами и домочадцами. (Римов. Хроники Иерошина по изд. Штрэльеке *Scriptores rer. Pruss. I*, 494).

Среднее ядро Пруссіи (den mittleren Kern Preussens) составляла земля *Погезанія*, мѣстонахождение которой опредѣляется приблизительно городами Либштадтъ, Вормдиль, Гутштадтъ и Гейльбергъ (*Lohmeyer's Geschichte von Ost und Westpreussen*, 1908, стр. 20). Крестоносцы попали въ Погезанію изъ Помезаніи плывая по озеру Трузо-Драузензэ. Въ Погезаніи основали они городъ Элбингъ польское *Elbląg*. Границу Погезаніи по отношенію къ Варміи была рѣка Пасарге или Серія (срв. *Seirija* мѣстечко въ Сув. губ.). Въ 13 вѣкѣ входятъ въ эту область населенныя мѣста Пазлукъ, Погизонія (срв. въ Сувалкской мѣстности *Guziai*), Лансанія, Прейсншъ-Голландъ, Замброхъ (нѣм. *Samrodt*), затѣмъ въ особенности твердъ Очекъ при устьѣ рѣки Веска и Веклица

близъ рѣки Роговы. Часть этой области называлась *Hockerland*, горной въ противоположность приморскихъ низинъ близъ Элбинга. Въ этой же области была мѣстность Толкемитъ, мѣсто рожденія монаха Симона *Грунова*, извѣстнаго лѣтописца Пруссiи.

Въ Погезанiи, во время великаго возстанiя противъ Нѣмцевъ 1260 года, предводителемъ былъ кунгасъ *Autume* отъ *auctumas*, *auttumas* старшина начальникъ (срв. *auctas hoch*, *auctimisku Obrigkeit*), а по его смерти Линко. Въ 1273 году кончилось это возстанiе и всѣ начальники или полководцы невѣрныхъ были побѣждены: *Гланде* (старшина Самландiи) Генрихъ *Монте* (Натангiи), Вармии *Гланне*, Погезанiи *Аутуме* и Бортевъ *Диване-Клекине* (иначе *Divonis Klekinis* отъ словъ *Klokis* медвѣдь и *Dievonis*). Но не долго длилось это перемiрие. Въ 1276 году вновь возстали Погезанцы и Бортеве (*diejenigen, welche nach Unterwerfung des eigenen Gaues bei ihnen eine Zuflucht gefunden hatten*, Lohmeyer I. с. 145), пришедшiе сюда изъ своей области «неволю передъ Нѣмцы».

Въ то время какъ другiе Прусы и Самбиты и Натангенцы и Вармы такъ или иначе подчинялись ордену и приняли христанство, Погезанцы и Бортеве вновь возстають. Но эта послѣдняя вепышка была кратковременная. Всѣхъ истребили кромѣ немногихъ, которыхъ со своими домо-чадцами (*Gesinde*) нашли убѣжище въ землѣ или области Городенской, у князя Тройдена.

Второй разъ «Проуси» или же «Проузи» вмѣстѣ и Бортеве упоминаются Ипатьевской лѣтописью въ 1278 году какъ защитники *Городна* отъ татаръ и князей Русскихъ, въ особенности Юрiя Львовича. «Проуси же и Бортеве выѣхавше изъ города удариша на нѣ ночь, и избиша ѣ всѣ, а другихъ изоймаша и в городъ ведоша, а Тюима на санех везоша, бѣ бо раненъ велми». Проуси заперлись въ каменномъ столпѣ, надеждѣ *Городнянъ*. Князья русскiе такъ и ушли безъ успѣха во свояси». Остались-ли Бортеве долго въ области Городенской и на Литвѣ, изъ русскiхъ лѣтописей невидно, орденскiе же источники сообщаютъ, что два Бартина *Дирске* и *Нуме* или *Дерско* и *Нумо*, измѣняя Литовцамъ, съ которыми вмѣстѣ воевали въ Польшѣ, возвратилась въ Погезанiю «*et habitabant ibi sicut prius*».

Это случилось въ 1284 году. О погезанцахъ Пруссахъ, поселенныхъ въ Слонимской области, на восточной границѣ Литвы, мы ничего не находимъ въ современныхъ лѣтописяхъ ¹⁾. Предположеніе, что въ Слонимѣ и въ Городнѣ сохранилась Пруси и Бортеве, П. Бобровскій (въ Матеріалахъ для географіи и Россіи, собр. офицерами ген. штаба. Гродненская губернія I, стр. 652) не могъ подтвердить ни данными этнографическими, ни признаками лингвистическими: «признаковъ существованія потомковъ этихъ Прусовъ», говоритъ Бобровскій, мы не отыскали, ни въ Городнѣ, ни въ «Слонимѣ, надо полагать, что они слились съ «туземцами». Но спрашивается, съ какими туземцами, *Литовцы*, живущіе въ Гродненскомъ уѣздѣ, равно какъ и въ Слонимскомъ говорятъ до сихъ поръ по литовски съ явными признаками своего прусскаго происхожденія, несмотря на то, что они молились и большею частью понынѣ молятся по польски. Изъ вышеприведенныхъ показаній прусскихъ лѣтописей видно, что «ко Тройденеви пришли» именно Погезанцы, Прусы центральной области (den mittleren Kern Preussens bildete das Land Pogesanien) и тѣ Бортеве, которые послѣ великаго возстанія, спаслись отъ крестоносцевъ въ Погезаніи. По изслѣдованіямъ д-ра Рейнгольда *Траутмана* Die altpreussischen Sprachdenkmäler 2-ter Teil Göttingen, 1910, стр. XXI, сохранившіеся до нашего времени памятники прусскаго языка т. е. три Катихизиса 1545 и 1561 гг. и Эльбингенскій Вокубуляръ начала 15 вѣка представляетъ два діалекта прусскаго языка въ Самландіи (Самбитовѣ) и въ Помезаніи или лучше Погезаніи. In der Bezeichnung «romesanisch» folge ich Pauli aus Bequemlichkeitsgründen. Der Dialekt vom Vocabular — kann aber auch der *pogesanische* gewesen sein. Если такимъ образомъ въ Слонимскомъ говорѣ Прусовъ-Литовцевъ деревень Погиры, Засети и Норцевичи сохранились древнія черты прусскаго языка, то эти признаки восходятъ 1) къ 13 столѣтію; 2) характеризуютъ Погезанцевъ 127⁶/₇ года, ушедшихъ со своими семьями и домочадцами «неволею передъ Нѣмцы», чтобы сохраниться отъ нѣмецкихъ стѣсненій «da sie sich bewortin mit irm gesinde vor der *nôt*». Часть этихъ бѣглецовъ-переселенцевъ изъ «Бортевъ» въ 1284 нашла милость и прощеніе

1) Срв. Dusburg III, 225 и Kronike von Pruzinlant стихи 18,554—18,615.

у «орденскихъ рыцарей», но не долго наслаждались своей родиною и родными гнѣздами, ибо уже черезъ два года принуждены были участвовать въ четвертомъ (*apostasia quarta*) мятежѣ: — *quod verebar, accidit... Barthenses, qui nuper gratie fratrum fuerant restituti, et Pogesani et ceteri de Prussia, volentes secundum solite malicie sue consuetudine iterum fratribus rebellare, confederacionem fecerunt cum quibusdam de Prussia, quorum detestabile factum bene hec meruit, quod eorum nomina in publicam redigentur formam; sed propter status ipsorum reverenciam est abmissum. Convenerunt itaque sub huius pactis, ut principem Ruyanorum cum valido exercitu invitarunt, ex ejectis fratribus de terra Prussia, ipsum regem et dominum suum constituerent. Quod factum detestabile in edificacione Raganite detectum fuit, et quilibet de Bartha et Pogesania hujus nefande conspiracionis reus recepit mercedem debitam pro labore. Cronica terre Prussie 149.*

Участвовавшіе въ этомъ возстаніи (подъ предводительствомъ князя Руенскаго (Рюгенскаго) Вицлава II) были строго наказаны. Изъ приведенныхъ здѣсь извѣстій о Бартахъ видно, что въ землѣ Городенскаго ихъ осталось не много послѣ возвращенія на родину. Объ участи же Погезанцевъ, поселенныхъ Тройденомъ во Слонимѣ, у насъ нѣтъ свѣдѣній до самого послѣдняго времени. Бобровскій, повторяя по Нарбуту, что переселились кромѣ Бартовъ еще и Наздравцы и Пойганчицы (вѣроятно опечатка вмѣсто Погезанчики) видитъ въ нынѣшнихъ Литовцахъ Слоним. и Гроднен. уу. обыкновенныхъ Литовцевъ и приводитъ изъ Богуша образецъ литературнаго литовскаго языка, кишашій опечатками...

Все литовцы, говоритъ Бобровскій, исповѣдуютъ католическую вѣру и говорятъ литовскимъ языкомъ, который подробно описанъ изслѣдователемъ литовскихъ древностей *Богушемъ* О началѣ народа и языка литовскаго 1808 года. Приведемъ только образчикъ этого языка, весьма бѣднаго письменными памятниками: *Prapaltas* (читай *prapultas*), *žmogus* и т. д.

Какъ мною уже доказано было въ 1895 году, въ *Mitteilungen der Lit. litter. Gesellschaft* Heft 20 (томъ IV, 2), стр. 166—173, нарѣчіе Слонимское нѣкоторыми особенностями отличается отъ всѣхъ другихъ говоровъ Литвы и Жмуди. Особенности эти касаются какъ звуковаго характера нарѣчія, такъ и лексикона. До 1909 года не удалось

записывать болѣе обширныя статьи или разказы по причинамъ чисто мѣстнаго характера. Какъ обнаружилось изъ разспросовъ К. К. Буга, который посѣтилъ эту мѣстность въ 1905 году, по литовски говорить запрещалось до 1885 года и только послѣ моего перваго посѣщенія этихъ мѣстностей, по распоряженію покойнаго генераль-губернатора И. С. Коханова, надпись «По литовски говорить запрещается» въ Дятловскомъ волостномъ правленіи снято. Литовцевъ въ 1848, по изслѣдованіямъ Кеппена, насчитывалось въ Слонимскомъ уѣздѣ, близъ Дзенціолы (Здетела, лит. Zytela, Zietela срв. аѣsim Zytełón), въ пяти населенныхъ мѣстахъ, 140 мужчинъ 385 женщинъ или всего 825 душъ. Въ 1886 году въ Дятлово-Дзенціольской волости было католиковъ 7569, изъ которыхъ по польски говорили 1454, по бѣлорусски 4959, а по литовски 1156.

Въ 1909 я былъ въ Дятловѣ и Здетелѣ съ 17—20 августа, точныхъ данныхъ однако для опредѣленія числа говорящихъ по литовски собирать не удалось. Католиковъ въ трехъ деревняхъ, въ которыхъ еще знаютъ литовскій языкъ, было всего 1330 душъ, въ Засети 684, въ Норцевичахъ 292 и въ Погирахъ 354; православныхъ насчитывалось въ Засѣти 235, въ Норцевичахъ 254 и въ Погирахъ около 700, такъ что при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ число Литовцевъ надо выдѣлать изъ 2519 человекъ. Какъ обнаруживается изъ инвентаря имѣнія Здетла (въ текстѣ встрѣчается форма Здетела) отъ 24 апрѣля 1580 года литовскія прозвища встрѣчались 1) въ мѣстечкѣ Здетелѣ: Дойлида, Пашко Ванакель (лит. vanagas ястребъ, прусск. spreglowanag, gertoanax), Скренди; 2) въ дер. Засети: Кибилда, Рунча; 3) въ селѣ Ятьвезь: Пукась, Кгойли Демьяновичъ (срв. лит. gailus жалкій, пр. gaylis бѣлый), Юрій Жибортъ бояринъ; 4) въ селѣ Наръчевичи: Янь Виръбилъ (лит. virbalas пруть, virbas хворостъ, пр. virbe веревка); 5) въ селѣ «Покгыры»: Контминовичъ, Стульгевичъ; 6) въ селѣ Стрѣла: Покгронди (ragrandis Nachschrapseł, послѣдышъ, колобокъ), Нарель Монтвилочичъ; 7) въ Олехновичахъ: Михаилъ, Масюкъ Покгронди; 8) въ селѣ Лавный мостъ: Ванакгиръ и Вонокгиръ.

Въ прозвищахъ крестьянъ Здетеловской волости встрѣчаются еще такія прозвища, напоминающія литовско-прусскія слова, какъ напр. Свибъ

въ дер. Ятвезъ и Засети м. б. отъ прусскаго (Вокабулярій) *swibe*, лит. *šiube der Fink*; Шикшня лит. *šikšna* ремень; Лойло и Лайла пр. *lailisnap Marter*, лит. *leilas, leilus* тонкій, худошавый; Герва пр. *gerwe Kranich*, лит. *gérve* журавль; Коско, Кошко; Римжа; Ленко напом. Линко имя вождя Погезанцевъ, если это не лит. *Lenkas, linkas* Ляхъ.

Перехожу къ нѣкоторымъ звуковымъ особенностямъ.

1. Главнымъ признакомъ существованія Прусскаго вліянія считать слѣдуетъ слово *zāsīs* гусь, отмѣченное мною въ записяхъ 1886, 1888, 1896 и 1908 гг. К. К. Буга, побывавъ въ Засети въ іюнѣ 1905 года, нашель, что *zāsīs* всегда произносится съ з и слышалъ не менѣ десяти разъ въ слѣдующихъ надежахъ *zāsīs* им. ед., *zāsy* вин. ед., *zāses* им. мн. *zāsū* род., *zāsīs* вин. мн. Изъ этого онъ заключаетъ, что «Засетцы» названія гуся *zāsīs* заимствовали у Пруссовъ. Литовскому *ž* соответствуетъ з въ латышскомъ, древнепрусскомъ и славян., но отъ сосѣдей бѣлоруссовъ они не могли *zāsīs* заимствовать, такъ какъ здѣсь начальный согласный г (*g*); Латыши никогда не были сосѣдями или насельниками Гродненской земли и наконецъ изъ латышск. *zūss* въ никоемъ случаѣ не могло произойти *zāsīs*. Въ вокабулярій Элбингенскомъ встрѣчается форма *zansy* съ суффиксомъ *i* какъ въ др.-инд. *hasī*, кромѣ того есть названіе мѣстности *Sansgarben Gänseberg* въ округѣ Растенбургѣ, въ землѣ древнихъ Бортевъ. Въ Засети записаны мною слѣд. формы: *zāsies* род. ед. *iteip zāseip juoda galvā, ituose zāsise nierā riebulū taukū, zasīm* (reik надо) *avizū* (гусямъ надо овса), *nūleke zāsīs* (им. мн.); въ Погиряхъ: *zasīs atájo; doug zāsū* (1896 г.).

2. Въ началѣ слова передъ «*uo* (*ū*)» развивается *w*: напр. въ словахъ *vuolaktis Elle* локоть срв. Вок. Эльбинг. *woaltis Elle*; *vuoška* коза Вок. *wosux* козель, *wosee* коза; *vuoga, -eje* ягода.

Такимъ образомъ эта черта подходила бы къ помезанско-погезанскому діалекту: *Dem pomesanischen Dialekt von V. eigen war der Vorschlag von w vor anlantendem o und u* (S. 60, pag. 158 Trautmann D. altr. Denkmäler 2. Göttingen 1910).

По записямъ Каз. Буги: *vuо*—*uo* изъ *ō* «*vuōgras*» воздухъ, *vuobeje* яблоня, *vuožys* козель.

3. Въ Слонимскомъ говорѣ замѣчено измѣненіе — *uv* въ *iv* въ словахъ: 1) *živís* им. ед. и *žives* им. мн. рыбы вм. *žuvís* 2) *brivai* вм. *bruwis*, *bruwai* у Ширвида *Dictionarium* см. *Mitteilungen d. lit. litter. Ges. IV, 168* *gaudo žives; žives upeja: menturas, čipokas, karašus, rókas* (т. е. ракъ), *lúnas, jalčus, sómas, silkes*. Явленіе это часто встрѣчается въ латышскихъ говорахъ: *sivens* вм. *suvens* поросенокъ.

4. Пралитовскимъ *ē* и *ō* соответствуютъ *ie*, *uo* или *y* (*i*) и *ū* напр. *Padék Dī taú, no sa mūmi Dievas, brolis sajéde vīnā druska* (*Mit. IV, 168*); съ преобладающимъ первымъ элементомъ дифтонга въ пѣснѣ «*Saldus medūs dai labai gražūs pardūok kārvē, pardūok jaučiā, no parduósiu pasójeļi*, (слышно также въ другомъ стихѣ *lei*) (Фоногр. № 1, 1908 года).

Причину этого измѣненія г. Буга ищетъ въ мѣстѣ ударенія: *ie* и *ū*, которые никогда не имѣютъ на себѣ удареніе, сохраняютъ дифтонгическое произношеніе; тѣ *ie* и *ū*, которые постоянно имѣютъ удареніе или иногда получаютъ, имѣютъ кромѣ дифтонгическаго и монофтонгическое произношеніе.

5. Долготы и въ слогахъ неударяемыхъ въ Зителовскомъ говорѣ ясно слышится. К. К. Буга, считая два закона К. Явниса о литовской топологій (Поневѣжскіе говоры I, 93) основными, прибавляетъ: дѣйствіе этихъ двухъ законовъ Явниса рѣзко бросается въ глаза въ этомъ (Гродненско-русскомъ) говорѣ по той причинѣ, что въ немъ безударные долгіе гласные не подвергаются сокращенію въ долговатые. Эта черта, общая какъ бы засетскому говору и нижелитовскому (жемойтекому) нарѣчію, особенно явно выступаетъ въ фонограммѣ № 1, 1908 года.

Saldus medūs dai labai gražūs
 Jaunas bernas dai labai gražūs
 Ketino anas mane jimtīe mane jimtī
 Mane jimtīe šenavotie
 Šenavoja mane metūs, kitūs
 O ant trečūo dor pamiātīe.

По наблюдениямъ г. Буга 1905 года: 1. съ сильноконечной интонаціею слабоударяемыхъ слоговъ *piimū, gaardūs aisū, zaasis* 2. съ сильноначальной: *vākaq* вчера, *rėkiu vāguo* гонятъ скоть.

6) Изъ лексическихъ особенностей, на которыхъ я остановился въ *Mitteilungen d. Lit. Ges. IV, 168 ff.* особенно важно для хронологіи этого говора слово *Dainava, Dainaviškis žmogus* для обозначенія людей изъ соедней съ Засетю деревни Ятвезь. Такимъ образомъ въ этомъ литовскомъ говорѣ сохранилось литовское названіе Ятвяговъ и какъ бы Ятвяжскаго племени. Все это напоминаетъ намъ извѣстіе литовской лѣтописи о Дойново-ятвезской пущѣ и удѣлѣ князя Тройдена. И дождался князь великій Наримонтъ ихъ мешкають мужики на поуци Дойнова—Ятвеза пана над собою не мають и пошол на них и сѣни не противатся поддалися и поклонились ему. Объ основателѣ города Райгрода (въ предѣлахъ Ятвяжскаго края) надъ Боброю Тройденѣ говорится затѣмъ «и прозветься великимъ княземъ Ятвезскимъ и *Дойновскимъ*».

Изъ разбора вышеприведенныхъ историческихъ свидѣтельствъ о бѣгствѣ Пруссовъ-Погезанцевъ въ Гродненскую землю и Слонимскую Литву вполне ясно, что такое переселеніе въ 13 вѣкѣ было и что Бортеве и Прусове, населенные Тройденомъ во Городнѣ и во Слонимѣ, могли сохранить черты своего языка до нашихъ дней въ тиши Слонимолитовской или Ятвягодойновской пущи. Въ августѣ 1909 года (17—20 числа) удалось мнѣ посредствомъ фонографа установить, что 1) произношеніе *z* вм. *ž* въ словѣ *zasis* не подлежитъ сомнѣнію 2) Литовцы Слонимскаго уѣзда не смотря на вліяніе окружающей бѣлорусской среды, польскаго молитвослова и наступающей на нихъ литовской письменности не вымирають и не забываютъ своего языка, а напротивъ, освобождаясь отъ страховъ политическаго понуканія былого времени, смѣло припоминають свои пѣсни, легенды и сказки. Мною благодаря этимъ обстоятельствамъ въ 1909 году удалось записывать пѣсни: *Saldūs medūs dai labai gražūs; Sava muoma ne svėtima; Oj aisim aisim mes tie ne busim; Žalia rutialä dvejos lapelius, kas tavi sėjuo; Salajauckas macitkas paušteli*), сказку *Sunukas Vosiliukas* и легенду о Божіей матери, освободившей пана разгульника отъ чорта и его сѣтей. На моей памяти эти люди изъ Засети молчали двадцать лѣтъ, не забывая ни пѣсенъ, ни

сказокъ. Нѣтъ сомнѣнiя, что подробное изслѣдованiе этого говора крайне желательно въ связи съ данными другого говора (ц в м. а) въ дер. Мустейкахъ и Кабеляхъ — Осочникахъ ¹⁾.

Э. А. Вольтеръ.

Сиб. 30 Апрѣля

1911 г.

1) Лѣтомъ 1911 года я слышалъ отъ Юсифа Трейновича изъ деревни Осочники-Кабели (Гродненск. у., на границѣ Трокскаго) слѣдующiя слова: zūsis вмѣсто žūsis, daržas в м. daržas, ziame в м. žiame, visi žmones в м. visi žmones, inšlara в м. inšlara, Gudū salis в м. Gudū šalis. По сообщенiю ксендза Стаписа въ Марцинканцахъ такимъ же говоромъ говорятъ также въ Мустейкахъ. На эти особенности обратилъ мое вниманiе впервые канд. филол. I. Бальчиконисъ. При посѣщенiи имъ вмѣстѣ съ ксендзомъ Стаписомъ деревни Кабели-Осочники онъ слышалъ это же произношенiе z вмѣсто ž въ такихъ словахъ: vazuoť, daržaň, nūvezė, mazai (в м. mažai), nemozna (неможна), zame, mazau, uzaugus, prizadu, grazōs (с м. gražos); s вмѣсто š (ш): Is Kabeliu (в м. iš), kastuoť (в м. kaštuot), primusa (primuša), soka (šoka), miskais (с м. i miškais), is gryto (в м. iš-gryto), raso (в м. rašo), slapi (в м. šlapi), ismokšim (в м. išmoksım), prasaũ (в м. prašau), per misũ (в м. mišu). Кромѣ того встрѣчается, аналогично съ прусскимъ ш изъ s + j (срв. Trautmann § 79, стр. 171—172), вторичное ш (š) вмѣсто s нѣтолько изъ s + j, но тоже изъ s + i, e, ie въ словахъ, также отмѣченныхъ г. Бальчиконисомъ, radirpšiu, šiekšnius, gerešni, gerešnis, šienojai, intaišyti, keliaš, viši, dirpši, nušibot, šveikas (!), švietas, apšipraty (в м. apsiprates), šveikatos, šeniau, kitaš vietaš, ismokšim, kūšnely, pašidalyt, apie muš viš, meš, anoš (?).